

3-я Маккавейская — глава 1

¹ Филопатор, узнав от прибывших к нему, что Антиохом отняты бывшие в его владении местности, отдал приказ всем войскам своим, пешим и конным, и, взяв с собою сестру свою Арсиною, отправился в страну Рафию, где расположены были станом войска Антиоха.

² Тогда некто Феодот решился исполнить свой замысел, взял с собою лучших из вверенных ему Птолемею вооруженных людей и ночью проник в палатку Птолемея, чтобы наедине убить его и тем предотвратить войну.

³ Но его обманул Досифей, сын Дримила, родом Иудей, впоследствии изменивший закону и отступивший от отеческой веры: он поместил в палатке одного незначительного человека, которому и пришлось принять назначенную Птолемею смерть.

⁴ Когда же произошло упорное сражение и дело Антиоха превозмогало, то Арсиноя, распустив волосы, с плачем и слезами ходила по войскам, усиленно убеждая, чтобы храбрее сражались за себя, за детей и жен, и обещая, если победят, дать каждому по две мины золота.

⁵ И так случилось, что противники поражены были в рукопашном бое, и многие взяты в плен.

⁶ Достигнув своей цели, Филопатор рассудил пройти по ближним городам, чтобы ободрить их.

⁷ Исполнив это и снабдив капища дарами, он одушевил мужеством подвластных ему.

⁸ Когда потом Иудеи отправили к нему от совета и старейшин послов поздравить его, поднести дары и изъявить радость о случившемся, то он пожелал как можно скорее придти к ним.

⁹ Прибыв же в Иерусалим, он принес жертву великому Богу, воздал благодарение и прочее исполнил, приличествующее священному месту;

¹⁰ и когда вошел туда, то изумлен был величием и благолепием и, удивляясь благоустройству храма, пожелал войти во святилище.

¹¹ Ему сказали, что не следует этого делать, ибо никому и из своего народа непозволительно входить туда, и даже священникам, но только одному начальствующему над всеми первосвященнику, и притом однажды в год; но он никак не хотел слушать.

¹² Прочитали ему закон, но и тогда не оставил он своего намерения, говоря, что он должен войти: пусть они будут лишены этой чести, но не я. И спрашивал, почему, когда он входил в храм, никто из присутствовавших не возбранил ему?

¹³ И когда некто неосмотрительно сказал, что это худо было сделано, он отвечал: но когда это уже сделано, по какой бы то ни было причине, то не должно ли ему во всяком случае войти, хотят ли они того, или не хотят.

¹⁴ Тогда священники в священных одеждах пали ниц и молились великому Богу, чтобы Он помог им в настоящей крайности и удержал стремление насильственно вторгающегося; храм наполнился воплем и слезами, а остававшиеся в городе сбежались в смущении, полагая, что случилось нечто необычайное.

¹⁵ И заключенные в своих покоях девы выбегали с матерями и, посыпая пеплом и прахом головы, оглашали улицы рыданиями и стонами.

¹⁶ Другие же во всем наряде, оставив приготовленный для встречи брачный чертог и подобающий стыд, беспорядочно бегали по городу.

¹⁷ А матери и кормилицы, оставляя и здесь и там новорожденных детей, иные в домах, другие — на улицах, неудержимо сбежались во всесвятейший храм.

¹⁸ Так разнообразна была молитва собравшихся по случаю святотатственного покушения.

¹⁹ Вместе с тем некоторые из граждан возымели смелость не допускать домогавшегося вторгнуться и исполнить свое намерение. Они воззвали, что нужно взяться за оружие и мужественно умереть за закон отеческий, и произвели в храме великое смятение:

²⁰ с трудом быв удержаны старейшинами и священниками, они остались в том же молитвенном положении.

²¹ Народ, как и прежде, продолжал молиться. Даже бывшие с царем старейшины многократно пытались отвлечь надменный его ум от предпринятого намерения.

²² Но, исполненный дерзости и все пренебрегший, он уже делал шаг вперед, чтобы совершенно исполнить сказанное прежде.

²³ Видя это, и бывшие с ним начали призывать вместе с нашими Вседержителя, чтобы Он помог в настоящей нужде и не попустил такого беззаконного и надменного поступка.

²⁴ От совокупного, напряженного и тяжкого народного вопля происходил невыразимый гул.

²⁵ Казалось, что не только люди, но и самые стены и все основания вопияли, как бы умирая уже за осквернение священного места.